

М. Т. Аширбекова

ОБ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЯХ СЛЕДОВАТЕЛЯ

© Аширбекова Мадина Таукеновна (madina.55@mail.ru), доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Волгоградский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 400131, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8.

Тема докторской диссертации: «Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия». Автор более 150 научных работ, в том числе монографий: «Принцип публичности в российском досудебном производстве по уголовным делам (содержание и формы реализации)» (2007), «Принцип публичности в судебном производстве по уголовным делам» (2008). Ряд научных трудов написан в соавторстве: «Уголовный процесс» (2017), «Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства» (2016), «Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы» (2019).

Область научных интересов: принципы уголовного процесса; обеспечение прав личности в уголовном судопроизводстве; дифференциация уголовно-процессуальных производств; обеспечение прав личности в уголовном судопроизводстве; судебные решения и порядок их проверки и пересмотра в судебном-проверочном производстве.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос об уголовно-процессуальных функциях следователя. Подчеркивается, что позиция законодателя, предпославшего следователю единственную функцию обвинения, методологически не обоснована, так как уголовный процесс – юрисдикционный правоприменительный процесс, само существование которого вызывается необходимостью применения норм уголовного закона для разрешения уголовно-правовых конфликтов. Обосновывается, что следователь выполняет функции, обусловленные логикой стадий применения права: установление фактической основы дела – установление юридической основы – постановление правоприменительного решения. Первой стадии применения права соответствуют правоприменительные действия, характеризующие функцию расследования. На последующих двух стадиях, в зависимости от результатов расследования, реализуется функция обвинения или правообеспечительная функция. При правовой оценке установленных фактических обстоятельств как оснований для уголовной ответственности осуществляется функция обвинения. При отсутствии таких оснований – правообеспечительная функция. Также отмечается, что адресатами правообеспечительной функции кроме обвиняемого являются все частные лица, вовлекаемые в уголовный процесс. В этом плане правообеспечительная функция универсальная.

Ключевые слова: следователь, функция, применение права, стадии, расследование, обвинение, правообеспечение.

Цитирование. Аширбекова М. Т. Об уголовно-процессуальных функциях следователя // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 4. С. 81–85. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-81-85>.

*M. T. Ashirbekova***ABOUT CRIMINAL AND PROCEDURAL FUNCTIONS OF THE INVESTIGATOR**

© **Ashirbekova Madina Taukenovna (madina.55@mail.ru)**, Doctor of Law, associate professor, professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, **Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration**, 8, Gagarin Street, Volgograd, 400131, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «The principle of publicity in criminal proceedings: concept, content and limits of action». Author of more than 150 scientific works, including monographs: «The principle of publicity in Russian pre-trial criminal proceedings (content and implementation forms)» (2007), «The principle of publicity in criminal proceedings in criminal cases» (2008). A number of scientific papers were co-authored: «Criminal Procedure» (2017), «Actual Problems of Ensuring the Rights of Participants in Criminal Procedure» (2016), «Principles of Russian Criminal Procedure: Content and Problems» (2019).

Research interests: principles of the criminal process; ensuring the rights of individuals in criminal proceedings; differentiation of criminal proceedings; ensuring the rights of individuals in criminal proceedings; court decisions and the procedure for checking and reviewing them in judicial verification proceedings.

ABSTRACT

The article considers the issue of criminal procedural functions of an investigator. It is emphasized that the position of the legislator, who suggested the investigator the only function of the prosecution, is methodologically unjustified, since the criminal process is a jurisdictional law-enforcement process, the very existence of which is caused by the need to apply criminal law to resolve criminal law conflicts. It is proved that the investigator performs the functions stipulated by the logic of the stages of applying the law: establishing the actual basis of the case – establishing the legal basis – resolving the enforcement decision. The first stage of the application of law corresponds to enforcement actions that characterize the function of the investigation. At the next two stages, depending on the results of the investigation, the prosecution functions or the law enforcement function are implemented. In the legal assessment of established factual circumstances as grounds for criminal liability, the function of the prosecution is realized. In the absence of such grounds, a law enforcement function. It is also noted that the addressees of the law-enforcement function, except for the accused, are all private individuals involved in the criminal process. In this regard, the law enforcement function is universal.

Key words: investigator, function, application of law, stage, investigation, the charge, law enforcement.

Citation. Ashirbekova M. T. *Ob ugolovno-protsessual'nykh funktsiyakh sledovatelya* [About criminal and procedural functions of the investigator]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 4, pp. 81–85. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-81-85> [in Russian].

Вопрос об уголовно-процессуальных функциях следователя продолжает оставаться в числе дискуссионных. Понятно, что это неслучайно, поскольку функции следователя, как и в целом его процессуальный статус, выступают своего рода индикаторами, проявляющими процессуальный облик предварительного следствия и, соответственно, «морфологию» уголовного судопроизводства.

Проблематике уголовно-процессуальных функций следователя в науке уголовно-процессуального права посвящено немало исследований. В их числе важное место принадлежит трудам виднейшего ученого современности – Семена Абрамовича Шейфера. Анализируя российский исторический опыт регламентации процессуальной деятельности следователя, теоретические и правовые основания его самостоятельности, С. А. Шейфер оставался убежденным сторонником того, что

смысл процессуальной деятельности следователя заключается «в объективном и беспристрастном исследовании обстоятельств уголовного дела» [1, с. 51].

Такую позицию он сохранял и тогда, когда в первом десятилетии XXI века российский уголовно-процессуальный закон очень категорично вывел следователя в число субъектов, реализующих сугубо одну уголовно-процессуальную функцию – обвинение [2]. Безусловно, нельзя возразить, что таковая функция по определению должна быть у следователя, поскольку состязательность и в гносеологическом, и в идеологическом аспектах – одно из главнейших качеств уголовного судопроизводства. Но почему же только эта одна функция? Есть ли методологическое обоснование этому? Попытаемся ответить на эти вопросы.

С. А. Шейфер в традициях русского уголовного процесса рассматривал следователя как иссле-

дователя обстоятельств криминального события, произошедшего в прошлом [3, с. 93]. Думается, что и по этой причине многие его труды посвящены следственным действиям как процессуальным познавательным инструментам. В тезисе же о том, что такое исследование должно быть объективным, вряд ли стоит усматривать апологию инквизиционных начал, поскольку утверждение о необходимости объективных выводов доказательственной деятельности никак не дискредитирует состязательность. Иное дело, что способы и средства доказывания на инквизиционных началах заслуженно порицаются, поскольку не ориентированы на презумпции, фикции, свидетельский иммунитет, которые, как правило, корректируют фактическое равенство сторон, по крайней мере, субъектов должностного обвинения и обвиняемого, обеспечивая последнему режим благоприятствования. Понятно, что таковые состязательные условия доказывания при ординарных процессуальных формах производства по уголовному делу не отменяют потребности в объективном установлении обстоятельств преступления. Впрочем, при любых формах производства по уголовному делу, включая упрощенные или согласительные процедуры, разрешаются вопросы факта и вопросы права, что и определяет суть правоприменительной деятельности публичных субъектов уголовного процесса. Это объясняется логикой применения права, характеризующегося определенными стадиями: установление фактической основы дела – установление юридической основы – постановление правоприменительного решения [4, с. 319].

Именно логика стадий применения права (в общей теории права выделяется и более трех стадий) [4, с. 319], а также сама правоприменительная деятельность, как думается, и должны служить платформой для методологического обоснования существования и количества функций следователя. Иными словами, ключ к разрешению вопроса о функциях следователя видится в потребности применения норм уголовного закона в целях разрешения уголовно-правовых конфликтов.

Однако в содержании ст. 6 УПК РФ прямо не говорится о применении уголовного закона и всех форм реализации уголовно-процессуального закона. Но это следует из определяемых в ней приоритетов: 1) защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Указанные цели (назначение) в юрисдикционном правоприменительном процессе не могут быть достигнуты вне применения норм уголовного закона и норм уголовно-процессуального закона посредством правоприменительной деятельности, требующей всех остальных форм реализации (соблюдение, исполнение, использование) не только уголовно-процессуального закона, но и конституционных норм, а в некоторых случаях и норм гражданского законодательства. Собственно,

для уголовного процесса применение в первую очередь норм уголовного закона и норм уголовно-процессуального закона является содержанием правоприменительной деятельности, которая процедурно оформляется в виде процессуального производства. В рамках процессуального производства правоприменитель, в нашем случае – следователь – выполняет правоприменительные действия, которые, как писал С. С. Алексеев, различаются в зависимости от перечисленных стадий применения права: установление фактической основы дела – установление юридической основы – постановление правоприменительного решения [5, с. 332]. Иначе говоря, каждая стадия применения права наполняется правоприменительными действиями, которые в уголовном процессе для следователя представлены процессуальными, в том числе следственными, действиями, а также постановлением процессуальных решений. Тут заметим, что функция – понятие динамическое, деятельностное, характеризующее направление деятельности. П. И. Люблинский отмечал, что функция «имеет своим объектом известное действие... выяснение функций сводится к указанию того, какие действия относятся к должности тех или иных органов» [6, с. 26].

Так или иначе, функция предполагает действия, в противном случае ее содержание будет бессмысленным. Если говорить о правоприменительных действиях, нацеленных на установление фактических обстоятельств уголовного дела (а это и есть установление фактической основы спорного правоотношения как первая стадия применения права), то для следователя они, как думается, сосредотачиваются на реализации функции расследования (исследования). Понятно, что этим утверждением нами разделяется позиция С. А. Шейфера [1, с. 50].

В то же время полагаем, что следует исходить из того, что функция расследования – не единственная для следователя, поскольку применение права не исчерпывается установлением фактической основы дела. Но тогда надо задаться вопросом: а какую функцию следователь как правоприменитель реализует на последующих стадиях, то есть при установлении юридической основы дела и при принятии собственно правоприменительного акта – процессуального решения? Если установление обстоятельств криминального события – деятельность доказательственная (познавательная, а потому следователь – исследователь), то, например, квалификация вменяемого преступления – мыслительная операция аксиологического характера. Она материально выражается в выносимых следователем процессуальных решениях – постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительном заключении. Указанными правоприменительными актами разрешаются вопросы о выдвигании обвинения (постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого), а также поддержании следователем выдвинутого обвинительного тезиса в окончательном обвинении (обвинительном заключении).

Раз это так, то действия правоприменительного характера, направленные на генерацию актов обвинения, должны пониматься как выполненные в русле функции обвинения. В этой связи думается, что следователь параллельно с функцией расследования, основываясь на установленных фактических обстоятельствах, реализует функцию обвинения через определение правовой основы дела и вынесение указанных актов обвинения. Очевидно, можно предположить, что эти процессуальные решения, «обналичивая» вовне правовую оценку установленных обстоятельств дела, венчают собой те или иные правоприменительные циклы. Примером такого цикла может служить этап производства по уголовному делу от возбуждения уголовного дела до вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Реализацией функции обвинения достигается одно из назначений уголовного судопроизводства – защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Однако, п.2 ч.2 ст.6 УПК РФ говорит и о другой цели – защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Казалось бы, нелогично требовать от следователя, продвигающего в собственном производстве функцию обвинения, своими действиями защищать личность от незаконного и необоснованного обвинения. Но поскольку положения п. 2 ч. 2 ст. 6 УПК РФ – принципиального характера, то они распространяются на всех публичных субъектов уголовного процесса. Кроме этого, эти положения применительно к следователю становятся понятными, если исходить из примата функции расследования, реализация которой может дать результаты в виде наличия обстоятельств, не образующих основания для уголовной ответственности. Какую функцию выполняет следователь, прекращая уголовное преследование? Думается, правообеспечительную функцию.

Эта функция, как и функция обвинения, вызывается к жизни потребностью дальнейшего следования этапам применения права: установление юридической основы дела – принятие правоприменительного решения. Именно эти два этапа наполняются правоприменительными действиями и решениями, которыми следователь прекращает уголовное преследование и, соответственно, обеспечивает защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения в досудебном производстве. Таким образом, прекращение уголовного преследования также выступает результатом правоприменительной деятельности, достигаемым посредством реализации следователем правообеспечительной функции.

Данная функция реализуется и в целях защиты личности от ограничения ее прав и свобод. При этом, думается, неважно, кто именно представляет собой эту личность: это любое частное лицо, вовлекаемое в уголовный процесс (обвиняемый, потерпевший, гражданский истец и т. д.). Однако

начало реализации правообеспечительной функции в интересах всех частных лиц, вовлекаемых в уголовный процесс, не всегда жестко связано с результатами расследования. Да, для признания лица потерпевшим, обеспечения его имущественных прав и интересов, безусловно, нужно исходить из установленных расследованием фактических обстоятельств. Но в иных случаях учета результатов расследования может и не потребоваться, например, для решения вопроса о предоставлении переводчика свидетелю, если он не владеет русским языком, для разъяснения участвующим в деле лицам права на обжалование и т. п. В целом правообеспечительная функция востребована для правовых ситуаций, где затрагиваются сугубо процессуальные интересы участвующих в деле лиц. Соответственно, формами реализации правообеспечительной функции выступают соблюдение, исполнение, использование норм уголовно-процессуального закона. Однако в острых случаях уголовно-процессуального конфликта, например, при необходимости прибегнуть к мерам процессуального принуждения, правообеспечительная функция реализуется и посредством применения норм уголовно-процессуального закона [7, с. 94]. Правообеспечение – универсальная функция, обрабатываемая в ходе всего уголовного процесса и не только следователем.

Широкий формат правообеспечительной функции, понятно, обусловлен состязательной организацией уголовного судопроизводства, предполагающей человекоцентристский подход в виде обеспечения прав и свобод человека и гражданина, подкрепляемый нормами ст. 6 УПК РФ, принципами уголовного процесса, гарантиями процессуальных прав и законных интересов лиц, участвующих в производстве по уголовному делу. Словом, очевидными положениями закона, определяющими уголовно-процессуальную форму процессуального правоприменительного производства.

Подводя итог приведенным рассуждениям, отметим, что существо и количество уголовно-процессуальных функций следователя задаются логикой этапов применения права (установление фактической основы дела – установление юридической основы – постановление правоприменительного решения). Уголовно-процессуальные функции, как и обеспечивающие их правоприменительные действия, соответствуют целям указанных стадий и, соответственно, их характер (вид) различается. Это, как представляется, может быть методологическим обоснованием утверждению о том, что функция обвинения (уголовного преследования) – далеко не единственная функция следователя: им реализуется также функция расследования и правообеспечительная функция.

Библиографический список

1. Шейфер С. А. Правовой механизм расследования преступлений в России: вчера,

сегодня, завтра // Государство и право. 2011. № 5. С. 44–51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16372404>.

2. Шейфер С. А. Отечественное предварительное следствие: упразднить или усовершенствовать? // Уголовное судопроизводство. 2015. № 3. С. 8–15. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23946283>.

3. Познанский А. Н. Записка о реорганизации прокурорского надзора. Рига: Тип. В. Ф. Геккера, 1895. 114 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003671657.

4. Общая теория государства и права: Теория права. Академический курс: в 2 т. Т. 2 / под ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало, 1998. 640 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/428491>.

5. Алексеев С. С. Общая теория права: Курс: в 2 т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. 359 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/2982826/3f3fef>.

6. Люблинский, П. И. Новая теория уголовного процесса. Пг.: Сенатская тип., 1916. 44 с

7. Аширбекова М. Т. Соотношение уголовно-процессуальных функций с этапами правоприменения и назначением уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 4. С. 90–95. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25039300>.

References

1. Sheyfer S. A. *Pravovoi mekhanizm rassledovaniya prestuplenii v Rossii: vchera, segodnya, zavtra* [The legal mechanics of the investigation of a crime in Russia: yesterday, today, tomorrow]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2011, no. 5, pp. 44–51. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16372404> [in Russian].

2. Sheyfer S. A. *Otechestvennoe predvaritel'noe sledstvie: uprazdnit' ili usovershenstvovat'?* [Domestic preliminary investigation: Should it be abolished or improved?]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal Judicial Proceeding], 2015, no. 3, pp. 8–15. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23946283> [in Russian].

3. Poznansky A.N. *Zapiska o reorganizatsii prokurorskogo nadzora* [Note on the reorganization of prosecutorial oversight]. Riga: Tip. V. F. Gekker, 1895, 114 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003671657/ [in Russian].

4. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: Teoriya prava. Akademicheskii kurs: v 2 t. T. 2. Pod red. M. N. Marchenko* [General theory of state and law: Theory of law. Academic course: in 2 vol. Vol. 2. M. N. Marchenko (Ed.)]. M.: Zertsalo, 1998, 640 p. Available at: <https://znanium.com/catalog/product/428491> [in Russian].

5. Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya prava: Kurs v dvukh tomakh. T. 2* [General theory of law: Course in two volumes. Vol. 2]. M.: Yurid. lit., 1982, 359 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/2982826/3f3fef> [in Russian].

6. Lublinskii P. I. *Novaya teoriya ugovnogo protsessy* [New theory of the criminal process]. Pg: Senatskaya tip., 1916, 44 p. [in Russian].

7. Ashirbekova M. T. *Sootnoshenie ugovno-protsessual'nykh funktsii s etapami pravoprimeneniya i naznacheniem ugovnogo sudoproizvodstva* [Correlation of criminal procedural functions with the stages of law enforcement and the appointment of criminal proceedings]. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii* [Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry's Digest], 2015, no. 4, pp. 90–95. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25039300> [in Russian].